

которой понимается основной вербально-ментальный образ (элемент) видения мира человеком через призму его веры, религиозных представлений, убеждений, объективируемый посредством фонда национального языка.

Кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, составляет и языковую картину мира, в которой раскрываются представления о мире, заключенные в значении разных слов и выражений определенного языка. Актуализация религиозных истоков в национальном мировосприятии позволяет осмыслить концептуальные ценности этноса. В интерпретации религиозного кода культуры особую роль играет концептуальная система, сложившаяся в результате языковой концептуализации мира определенным этносом. Различия в духовной сфере разных народов наиболее отчетливо проявляются при сопоставлении религиозных картин мира, например, православной и исламской через сопоставление сакральных смыслов в картине мира русского и казахского языков. При этом сохранение самобытности культуры какого-нибудь народа связано с судьбами национальных языков: в казахском языке исламская религиозная лексика заимствована из арабского языка – языка, на котором была написана священная книга мусульман – Коран, основу православной религиозной лексики в русском языке составляют слова, заимствованные из старославянского языка – сакрального языка славян, на который переводились богослужебные книги из греческого языка, и библеизмы – языковые единицы, заимствованные из Библии, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имен персонажей, реалий и сюжетов Библии.

Этническое своеобразие духовной и культурной жизни этносов в православной и исламской картинах мира на примере казахского и русского языков можно проследить путем сопоставления базовых концептов и ценностей языка сакрума, функционирование которых проецирует идеи святости и сакральности на все, что имеет отношение к религиозному культу. Так, понятийные планы концепта «Бог» в русском и казахском языках совпадают и лексические способы вербализации этого концепта в обоих языках представлены в многочисленных синонимах, расширяющих и конкретизирующих наполнение этого концепта: в русском языке – *Бог, Отец (небесный), Владыка, Господь, Всевышний, Всемогущий, Создатель, Преславный* и др., в казахском – *Алла, Алла тағала* (из арабского языка), *Құдай* (из персидского языка), *Tjsip, Tjsipim* (исконно тюркские слова), *Жаратушы, Жаратқан Ие, Құтқарушы, Кабылдаушы, Қолдаушы, Қорғаушы* и др. Несмотря на то, что христианство и ислам монотеистические религии, представления о Высшем существе: ислам – это не только религия, но и образ жизни, в котором «учение о боге в меньшей мере отделено от религиозных этико-правовых принципов и концепций» [5]; в христианстве преобладает абстрактно-логическое начало, концепция, догмат Бога. «В сравнении с исламом, христианское богословие

представляется крайне умозрительным и отвлеченным, далеким от жизни интеллектуальным «искусством для искусства». В свою очередь исламская теология, в сравнении с христианской, представляется озабоченной гораздо больше юриспруденцией и ежедневными ритуалами в быту... Кроме того, присущий исламу крайний и радикальный монотеизм сразу же исключал самую возможность мусульманских аналогов по отношению к такой центральной и чреватой ересями теме христианского богословия, как Пресвятая Троица» [5:27].

В паремиологическом фонде русского языка концепт «Бог» находит разнообразное и порой весьма противоречивое воплощение. С одной стороны, имплицитно идея полной и безграничной власти Бога, его всемогущества: *Бог и рога прикует, так будешь носить, Бог накажет – никто не укажет, Дал бог денечек, дает и кусочек, Береженого Бог бережет* и т.д. С другой стороны, акцентируется мысль о том, что, несмотря на власть, силу и защиту со стороны Бога, человек сам должен заботиться о себе: *Бог-то бог, да и сам не будь плох, На Бога надейся, сам не плошай, Божьим именем съит не будешь*. В некоторых поговорках даже ставится под сомнение сила бога: *Богу молись, а к берегу гребись, Не до Бога, когда счастье у порога, Бог правду видит, да не скоро скажет, Не боги горшки обжигали*. Существующая несправедливость в социальных различиях объясняется намерениями и высшим замыслом Бога: *Бог с бедного последнее сдирает, да богатого одеваает, Бог сотворил два зла: приказного, до козла*. Как видно из приведенных примеров, в поговорках русского языка гораздо чаще власть Бога ставится под сомнение. Однако в русском языке много поговорок, в которых содержится мольба, просьба, обращенная к Богу с основным компонентом *дай* (этот глагол в призывах стоит в начале предложения): *Дай Бог в молодости грызть кости, а под старость мягкое, Дай Бог с тем венчаться, с кем и кончаться, Дай Бог тому честь, кто умеет ее несть* и т.д. В казахском языке такие призывно-молитвенные обращения к Аллаху и Его восхваление встречаются как в структуре *дуа* – молитва «от себя», в которой содержится мольба, звание, просьба, реализующиеся через глагол *бер* или *сакта/сактай гр* (глагол-сказуемое в казахском языке стоит в конце предложения), так и в самых распространенных, широко бытующих, пословичных выражениях: *И, Алла! Сен бейбітті мир беруісіз, бізге бейбітті мир бер, И, Алла! Жүннйттыс рызығын хисапсыз (мғлиерсіз) бере гр, Алла! Сенен ақиқат жолымен тура жіргізуді сұраймын, тақуалы ет, жомарт қыл, байлық бер; Алла ақырын берсін, Алла берсе ұзағымен, қайырымен берсін, Не тілесес тілегісіді Құдай береді*.

В отличие от русского языка, в казахском языке практически не встречаются высказывания с негативным оттенком, в которых содержалось бы критическое отношение к Творцу, напротив, преобладают поговорки, в которых культ Аллаха включает

признание его как всемогущего, бессмертного, милостивого и милосердного бога: *Алла атымен ант етті, Алласа аманат, Алла разы болсын, Алла жар болсын, Кұдай сақтасын, Бірі бір Тјсірдіс қолында* и т.д. Такое противопоставление теологического мировоззрения находит свое непосредственное отражение в языке и свидетельствуют, во-первых, о разном религиозном сознании, обусловленных конфессиональных различиями, во-вторых, самобытностью русского и казахского народов. «Философичность» и мудрость казахского народа запечатлена в однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках, в которых сохранены национально-культурные следы устного народного творчества, традиций и обычаев, религиозной философии и мифологического мировоззрения.

Сопоставление концепта «Бог» в православной и исламской картинах мира через языковые средства русского и казахского языков основано, в большей степени, на различиях теологических воззрений в разных конфессиях, в то время как сопоставление концепта *душа/жан* иллюстрирует языковые различия не только в духовной сфере народов, говорящих на разных языках, но и дает важные сведения о специфике национального мировидения и мировосприятия. Религиозно-мифологическая семантика этого концепта позволяет отнести его к ключевым как для русской, так и для казахской языковых картин мира. Согласно древнейшим архетипическим представлениям, *душа/жан* – бесплотное существо, являющееся носителем жизни, способное существовать отдельно от тела. В обоих языках слова *душа/жан* имеют несколько значений, основным из которых является религиозное толкование: *бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею* (Словарь В.И.Даля); *жан-жануарларға тіршілік беретін рух* (Толковый словарь казахского языка). Необходимым атрибутом религиозного сознания является способность к «мысленному, умному зрению, видению», предполагающему противопоставление объектов и ситуаций по линии материальное/идеальное, физическое/духовное, внешнее/внутреннее. «Русская языковая модель человека определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление духа и плоти, второе – как противопоставление ума и сердца» [6:19]. В казахской наивной картине мира противопоставление плотского и духовного далеко не столь однозначно, проведение жесткой границы между ними – это скорее следствие достаточно поздних рефлексий и логико-философских построений на основании монотеистических воззрений. Безусловно, душа отлична от тела. Одна из реификаций концепта *душа* моделирует ее как некое тело, помещенное внутри «настоящего» тела. Таким образом, душа сама оказывается телесной, которая может испытывать болевые ощущения (*душа болит*), в наивном

представлении об аде, куда попадают грешные души, они испытывают телесные муки. Так, у казахов *жан* – это самое уязвимое, испытывающее какую-либо физическую боль, место: *жанды жеріне тиіп кетті, жанына батты*. *Жаным* – это самое проникновенное, полное нежности и любви, особенно по отношению к ребенку, обращение. Отличаются и представления о локализации души, представленные во фразеологизмах: у русских *душа уходит в пятки*, а у казахов – *жаны тырнасыныс йшінде* (букв. на кончике пальцев). Из этого следует, что мифопоэтическая основа концепта *душа/жан*, тесно связанная с религиозным сознанием, сходится в обоих языках, в то время как национальная специфика его языковой концептуализации, свидетельствует о расхождениях в этнических ценностях народов, прошедших разный исторический путь.

В религиозно-мифологическом миропонимании *время* осознавалось как мера земного бытия и ассоциировалось с вечностью и Богом, а значит, истиной и духом. Согласно богословской традиции, восходящей к трудам бл. Августина, *время* противопоставляется *вечности* как форма земного существования области Божественного Абсолюта: «Вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории. В христианском мирозерцании понятие времени было отделено от понятия вечности, которое в других древних мировоззренческих системах поглощало и подчиняло себе земное время» [7:99]. Сознание средневекового человека наследовало понятие циклического времени, столь характерное для язычников в мифологической картине мира. Представления о линейном движении времени связано с формированием исторического сознания, необходимыми атрибутами которого являются идеи начала и конца. Христианское сознание соединило в естественном синтезе характеристики циклического и линейного времени. Дихотомия циклического и линейного времени находит отражение в языке в таких оппозициях, как *время/пора; прежний, прошлый/минувший; нынче/сейчас*.

В казахской наивной картине мира *время/уақыт* определяется как пространство в бытии, осмыслялось в философии «кочевья» как эпическое и измерялось этно-бытовыми реалиями хозяйственного уклада жизни: *мал келетін уақыт* (время пригона скота); *ет асым, пісірім* (отрезок времени, приравненное приготовлению пищи). Такие слова казахского языка, как *уақыт, джуір, заман-дјурен, кезес-сјт* заимствованы из арабского языка и означают время вообще. *Бей уақыт* – время захода солнца, когда даже больной человек, лежащий в постели, должен поднять голову, а здоровые люди в это время должны бодрствовать. По религиозным верованиям, это время, когда шайтаны могут вселить в спящего человека болезни. Названия временных отрезков суток в исламской картине мира соответствует пятикратному намазу. В казахском языке слова и сочетания слов, обозначающие время намаза, заимствованы из арабского и персидского языков: *мас*

намазы, бесін намазы, ұлы бесін, кіші бесін, құлама бесін, екінді намаз, намаздыгер, ақшам намазы, кұтпан намазы.

Таким образом, религиозная картина мира задается культурным кодом, соотносящимся с древнейшими архетипическими представлениями человека, сопоставление которых в разных религиозных культурах и языках дает полную картину межконфессиональных и межкультурных различий.

1. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
4. Белла Р.Н. Социология религии / Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 265-281.

5. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агенство «ФАИР», 1998. – 352с.
6. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. – М., 2002.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 319с.

Мақала орыс және қазақ тілдерінің рухани аяға қатысты, діндік мәдени кодтың құрамдас бөліктері болып табылатын, бірліктерін сипаттауға арналған. Конфессияаралық және мәдени-аралық айырмашылықтарын айқындау үшін әртүрлі діндердегі және тілдердегі сакрум феномені салыстырылған.

The article is devoted to the description of the units of Russian and Kazakh languages, belonging to the spiritual realm, and acting as components of the religious and cultural code. In the article it is compared the phenomenon of sacrum in different religions and languages in order to identify the interreligious and intercultural differences.

Р. Ж. Кондыбаева

О ФОНЕТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТАХ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

В данной статье мы рассмотрим фонетические корреляты словесного ударения в различных языках и их функциональную значимость при восприятии слова, а также некоторые вопросы инструментального исследования словесного ударения.

В процессе говорения и понимания речи говорящий старается строить, организовать и реализовать высказывание таким образом, чтобы слушатель воспринимал и интерпретировал их правильно [1]. Реализация высказывания, а именно ее мелодическая реализация и организация играет огромную роль при понимании речи. В связи с этим чрезвычайное значение приобретают исследования просодии слова с разных точек зрения.

Наиболее важным этапом для изучения просодии слова является сбор звукового материала, который будет основным объектом исследования. Рассмотрим акустические особенности, которые помогают организовать и реализовать эти высказывания для их правильного восприятия.

На уровне высказывания (т.е. во фрагменте речи, фразе) просодический параметр движений высоты тона (крутые, плавные), просодические параметры долготы гласного (долгий, краткий) и громкости (низкая, высокая) используются для реализации *выделения* слова, чтобы передать слушателю, какое слово в высказывании заключает в себе главную, с точки зрения говорящего, информацию и как надо интерпретировать эту информацию. Акустическими коррелятами этих просодических параметров, которые можно измерить в речевом сигнале, являются частота основного тона (в

герцах), длительность (в миллисекундах) и интенсивность (в децибелах) [1]. **Тональность**

Первым или наиболее важным фонетическим коррелятом для многих языков является тональность.

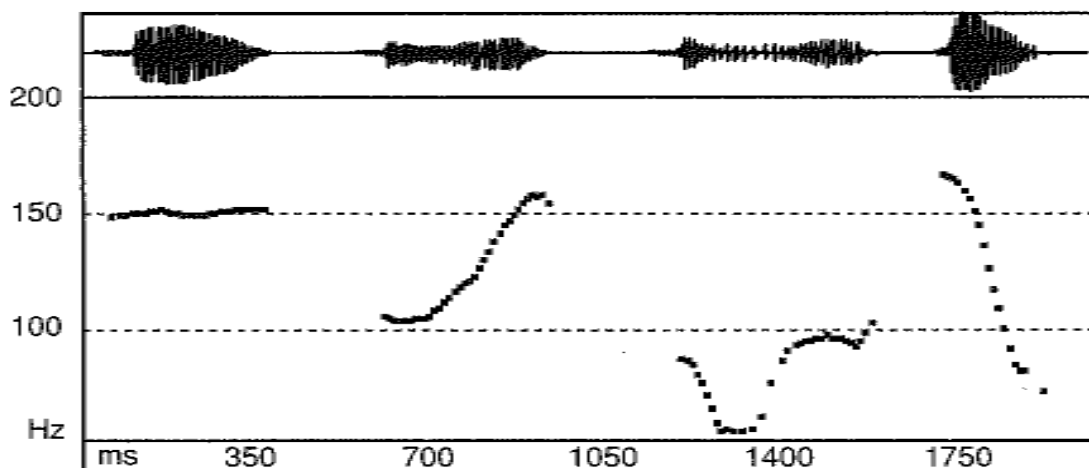
Тональность и длительность рассматриваются как наиболее важные перцептивные корреляты ударения. Интенсивность (акустическая разновидность громкости) в общем считается менее значимой, тогда как качество гласного является наименее важным коррелятом словесного ударения [2]. Это взгляд зарубежных ученых, которые исследовали каждый фонетический коррелят по отдельности, далее мы будем останавливаться на этих вопросы детально.

В общей характеристике акцентных языков основным физическим (акустическим) носителем словесного ударения считается слог и его вершина – гласный ударного слога. Следует отметить, что некоторые исследователи делят языки всего мира по своим основным просодическим признакам на акцентные (stress-accent languages) и неакцентные языки (non-stress-accent languages) [3]. В работе, вслед за этими учеными, мы также будем различать акцентные и неакцентные языки.

Основным фонетическим параметром словесного ударения в акцентных языках может являться движение тона (F0 movement или pitch movement) [4]. Тон в лингвистике – использование высоты звука для смысловоразличения в рамках слов. Акустическим коррелятом тона является частота основного тона (ЧОТ), определяемая как частота вибрации голосовых связок. Поэтому изменение или движение основного тона считается одним из наиболее важных акусти-

ческих коррелятов. Однако необходимо отметить, что следует различать термины *движение тона*, или *тональное изменение* (pitch movement), которое является основным фонетическим коррелятом в акцентных языках, и термин *тон*, присущий для таких *тональных языков* (tone languages иногда non-stress-accent languages), как, например, вьетнамский

или китайский (Chinese mandarin) т.е. языки Восточной Азии. Они обычно описываются с помощью тона, т.е. движение тона, повышение или понижение тона может иметь важное значение при восприятии слова. В таких тональных языках существуют основные четыре тона, которые выполняют смысло-различительную функцию. Например:

Анализ четырех тонов: слово 1. *ma* (высокий тон) — мама; 2. *ma* (восходящее-нисходящее) — конопля; 3. *ma* (нисходящее-восходящее) — лошадь; 4. *ma* (нисходящее) — ругаться, браниться [5]

Существует также тональное (тоновое) ударение, которое реализуется движением голосового тона (восходящего, нисходящего или комбинаторного) на фоне нейтрального тона прочих слогов. «Тональное» ударение не имеет никакого отношения к тональным языкам. По существу, это обычное динамическое ударение [6].

Тональный акцент, или *pitch accent* (английское название), имеет разные определения в разных лингвистических школах и теориях [1]. Мы используем термин тональный акцент (*pitch accent*) как основной акустический коррелят словесного ударения в акцентных языках.

В акцентных языках, где словесное ударение называют основным просодическим доминантам, изменение тона выполняет основную функцию при восприятии ударного слога. Однако разница в том что, в неакцентных языках тон выполняет основную смыслоразличительную функцию, а в акцентных языках является одним из коррелятов словесного ударения, наряду с интенсивностью, длительностью и качеством гласного.

Известный тюрколог М. Кирхнер, считает, что в казахском языке выделенность ударного слога осуществляется с помощью повышения тональности, т.е. в казахском языке, по его мнению, ударение падает на последний слог, и оно реализуется с помощью тонального акцента [7]. Такого же мнения придерживаются и некоторые исследователи тюркских языков: по их словам, основными параметрами словесного ударения в тюркских языках является тональность и интенсивность, тогда как для русского

языка основным фонетическим коррелятом словесного ударения считают не тональность, а длительность [8].

Длительность

Следующий значимый фонетический коррелят словесного ударения — длительность. В лингвистической литературе длительность иногда называют протяженностью, или долготой звуков, в настоящей статье этот коррелят рассматривается как длительность.

«Протяженность во времени является общим условием образования звуков вообще, а следовательно, и гласных» [9]. В фонетической литературе длительность, с одной стороны, может рассматриваться как некоторое свойство, характеризующее определенные типы гласных (известно, например, что открытые гласные обычно длительнее закрытых). С другой стороны, длительность может быть представлена как характеристика фонетической позиции гласного, в этом случае можно говорить о том, что длительность часто оказывается различной в открытом и закрытом слоге. Она может зависеть от характера предыдущего или последующего согласного (смычный или щелевой, глухой или звонкий), от количества и позиции в зависимости от ударного слога: предупредный, послеударный, второй от ударного), а также от количества слогов в слове. Безусловно, длительность — основной количественный параметр гласных, представляющих интерес при исследовании вокализма. Это обусловлено тем, что с длительностью, главным образом, связывается такое существенное явление, как количественная редукция — неперемutable условие качественной редукции. Как известно, для русского языка наиболее важным из вышеназванных коррелятов является длительность.